

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 25-го іюня 1906 года.

Обыскъ.

Октава Мирбо.

(Переводъ съ франц. для „Сиб. Жизни“).

Я спалъ глубокимъ сномъ, когда глухой шумъ въ дверяхъ меня внезапно разбудилъ. Этотъ настойчивый стукъ въ такую ночную пору мнѣ совсѣмъ не понравился. Сначала мнѣ показалось, что это одинъ изъ моихъ многочисленныхъ сосѣдей заглянулъ и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ перепуталъ двери своей комнаты. И, не вставая съ постели, я прокричалъ ему:

— Послушайте, сударь, вы, вѣроятно, не туда попали! Какой номеръ вы ищете? — Если не ошибаюсь, то здѣсь—двѣнадцатый... А мнѣ именно двѣнадцатый номеръ и нуженъ...

Слѣдовательно, ошибки здѣсь не было никакой и кто-то хотѣлъ видѣть именно меня. Странно! Кто бы это могъ быть? Неужели, кто-нибудь изъ пріятелей? Но послѣднихъ у меня было очень ограниченное число, и я легко отличилъ бы каждое изъ нихъ по голосу. Да, наконецъ, мои пріятель въ это время спитъ. Они слишкомъ много работаютъ днемъ, чтобы гулять по ночамъ. Но дѣлать было нечего. Я поспѣшилъ захватить съ собою и осматрѣть свой револьверъ. Стрѣнные часы показывали пятый часъ ночи. Я былъ чрезвычайно пораженъ этимъ необычнымъ визитомъ и какъ мнѣ не хотѣлось вставать, я все же началъ на скорую руку одѣваться. И пока я набрасывалъ на себя верхнее платье, стукъ сначала довольно сдержанный, перешелъ въ какой-то дѣлкій грохотъ, отъ котораго всѣ стѣны моей комнаты дрожали, какъ во время землетрясенія.

Непріятный визитеръ на всѣхъ силахъ, не жадя въ себя, дупилъ руками и ногами въ дверь. Можно было подумать, что это древнегреческій тарантъ пробиваетъ ворота осажденнаго города. (Это классическое сравненіе пришло мнѣ въ голову въ этотъ невеселый часъ потому, что я наканунѣ смотрѣлъ въ театрѣ „Антигону“). Я твердымъ шагомъ направился къ двери, чтобы отворить ее, такъ какъ черезъ минуту-другую она все равно поддастся, бы обшному напѣску, и не мѣняе твердымъ голосомъ спросилъ:

— Кто тамъ!

Стукъ прекратился, и странный голосъ, который я тотчасъ же призналъ за несестеринный, за поддѣльный, и который очень плохо скрывалъ свою грубость и хрипелость, мнѣ поспѣшилъ отвѣтить:

— Мозольный операторъ.

— Что?.. Мозольный операторъ?.. Въ этотъ часъ?.. Вы, очевидно, съ ума сошли... Это какое-то безуміе... Къ чему же высь этотъ трескъ и шумъ?..

— Простите, сударь, великодушнѣе! У меня нѣтъ времени... я очень спѣшу... Дѣло въ томъ, что сегодня у господина Сулнера большой банкетъ, и я весь день буду занятъ операціями мозолей у людей, которые собираются тамъ танцевать. А ихъ такъ много, что врядъ ли я даже успѣю пообѣдать сегодня... Потому, сударь...

Этотъ отвѣтъ меня такъ поразилъ, что я рѣшительно не понималъ, что по мнѣ творится. Я никогда въ жизни не пользовался услугами мозольныхъ операторовъ, уже по той простой причинѣ, что у меня никогда мозолей не было... И было бы въ высшей степени странно, чтобы я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, позвалъ къ себѣ на домъ одного изъ этихъ артистовъ... Къ чему? Для чего? Но мое удивленіе

было такъ велико, нервы такъ натянуты, а общее состояніе настолько апатично и вяло, что я даже не заподозрилъ во всемъ этомъ—неудачно сплетенной дѣки и совершенно удовлетворился этимъ отвѣтомъ. Я теперь рѣшительно не понимаю, какъ все это произошло. Я думаю, что въ ту минуту я еще продолжалъ спать.

И началъ отпирать дверь. Но лишь только я отодвинулъ засовъ, какъ сильными толчками внезапно раскрывшейся двери я былъ отброшенъ въ сторону къ стѣнкѣ, а въ комнату, какъ всеокружающій ураганъ влетѣлъ господинъ съ огромными усами и краснымъ носомъ. Слѣдомъ за нимъ въ комнату ввалилось еще шесть человѣкъ съ такими же длинными и толстыми усами, какъ у него. У каждого изъ нихъ на груди красовались какіе-то жезловые значки. Это вандальское шаштетное меня окончательно возмутило.

— Это—бандиты!—вскрикнулъ я не своимъ голосомъ и схватился за револьверъ. Мнѣ было досадно, что я далъ себя такъ грубо перехитрить.

Но въ эту минуту къ мнѣ подошелъ господинъ съ усами. Онъ остановился передо мною и, галантно поклонившись мнѣ по поясъ, произнесъ:

— Простите, сударь, за беспокойство!..

Но мы не бандиты и не воры. Прогорворивъ это, онъ вдругъ завертелъ надъ головою огромную дубинку, которую обильно прикрѣпленную къ стѣнкѣ гнессую статуэтку и повалилъ полотною моею любимой картинъ.

— Передъ вами, сударь,—продолжалъ онъ насмѣливо,—полицейскій комиссаръ... Мы пришли къ вамъ, чтобы проинвестировать обыскъ...

— Обыскъ? У меня?!.. Но вы съ ума сошли, господа! У меня обыскъ?.. По какому праву, хотѣтъ бы я знать?

Господинъ съ большими усами звонко расхохотался мнѣ прямо въ лицо. Отъ него такъ пахло водкой и табакомъ, что я невольно отступилъ назадъ. Его шесть сподвижниковъ последовали его примѣру и тоже разразились пльнями хриплыми смѣхомъ.

— По какому праву?.. Хе-хе-хе...

Онъ у меня спрашиваетъ о правѣ! Хе-хе-хе... О, это отличная штука!.. Не пожелаете ли вы, молодой человекъ, чтобы я еще указалъ вамъ на статью закона? Уверенно вѣсть, что Рейналь, Левинъ—это мои соотаварицы по службѣ—и я смѣюсь надъ этимъ...

И сжавъ кулаки и сверкнувъ своими опухшими глазами, онъ съ силою стукнулъ палкой по полу и, дыша парами алкоголя мнѣ въ лицо, съ остервеніемъ прохрипѣлъ:

— По тому праву, негодяй, которое получили здѣсь въ городѣ Рейналь, Левинъ и я, чтобы наказать мерзавцевъ на мѣстѣ преступленія, чтобы уничтожить тѣхъ, которые угрожаютъ общественному порядку и государственному строю... Безъ всякихъ разсужденій!.. Молчать!.. Вамъ ничего не поможетъ. Ведите меня для начала въ вашу библиотекъ!

Спротивляться не имѣло никакого смысла...

Но и помимо всѣхъ этихъ надбавительствъ и грубостей, обыскъ у меня оказался мнѣ чрезвычайно и грубой шуточкой. У меня рѣшительно не было ничего, чтобы могло меня скомпрометировать, и я совершенно незаслуженно оутудился въ такомъ смѣшномъ и глумномъ положеніи!

Я приготовился хладнокровно терпѣть, чтобы въ свою очередь вскорѣ поспѣлать надъ обманутыми ожиданіями вѣрныхъ блюстителей закона и порядка...

— Хорошо!—согласился я.—Повѣдемъ въ мою библиотекъ.

Но лишь только мы проникли туда, какъ комиссаръ съ чувствомъ полного внутренняго удовлетворенія потеръ руки и, окинувъ ординарнмъ взглядомъ своихъ припухшихъ глазъ мои книги, тѣ книги, которыя и съ такой любовью собираютъ и хранятъ, явонто прогрѣла:

— Ал.. Ал.. Николенъ-то мы послали еще въ одинъ вертепъ революціи... въ гнусную трубу этихъ богототуникоизъ, анархистовъ!.. Ал.. Ал.. Я вижу, намъ будетъ тѣмъ порадоваться!.. Мазетъ, сударь: всѣ ушки на лицо! Сколько здѣсь этой... литературы!.. Мы не въ силахъ будемъ все это сразу забрать!..

И, обращаясь къ своимъ коллегамъ, онъ отдалъ приказъ:

— Откройте всѣ шкафы!.. Живо!..

И шесть паръ грязныхъ кулаковъ съ циничнымъ равнодушіемъ стали разбивать стекла витринъ, не пробуя даже открывать замковъ, хотя я предлагалъ имъ это, чтобы поскорѣе окончить эту операцію. Черезъ книжки—нибудь двѣ минуты весь полъ усеялся осколками мелкаго стекла, блестящими, какъ слезы плачущаго ребенка...

— Ну!.. Нечего зѣвать!..—кричалъ комиссаръ, когда всѣ стекла оказались разбитыми и его шесть подчиненныхъ оставались въ ожиданіи его дальнѣйшихъ приказаній.

— Вы еще до сихъ поръ не научились своему дѣлу!.. Эхъ, вы с... д... Стоять точно телеграфные столбы, безъ движенія!.. За дѣло!.. Мазетъ, читай мнѣ вслухъ названія этихъ злодѣйскихъ сочиненій!.. А вы—говоряте!..

И пять огромныхъ тюремщиковъ занялись разворачиваніемъ парусиновыхъ вѣшечекъ, которые должны были проглотить мои „злослѣйскія сочиненія“, а пестрой толпой лѣтняго дѣвка провозглашали:

— Словарь де-Ларусетъ!

— Что? Что?.. да, руссе... Да, начало недурно!.. о Россіи!.. Забрать!

— Словарь де-Литтрѣ!

— Опять словарь?.. Забрать!.. Забрать!.. Заберите сначала всѣ словари!..

Въ этихъ проклятыхъ книгахъ бедня оденныхъ словъ, угрожающихъ государственному строю и общественному порядку... Это все—гибельная и разрушительная слова, которыя не терпятъ государственнаго сената, министры, префекты, Касаньянъ, Рувъ и я... Забрать!.. Забрать всю эту мерзость!..

— „Универсальная Географія“ Эдмъа Реклю!—продолжалъ восклицать полицейскій.

Комиссаръ, какъ ужасленный, вскопчилъ и принялъ позу лягавой собаки, поучившей позорительный запахъ.

— Чортъ возьми!.. „Универсальная“!

Этого анархиста Реклю!.. Смотрите осторожно, нѣтъ ли тамъ чего опаснаго... фига отъ бомбы... Осторожно кладите въ вѣшечку, чтобы не было взрыва!.. Мы отправимъ ее въ городскую лабораторію... пусть осматриватъ!.. Тамъ ничего нѣтъ!.. О, это еще счастье... Чортъ возьми, мы недаромъ сюда явились!..

И обернувшись ко мнѣ, онъ съ видомъ побѣдителя угрожающе произнесъ:

— Ну-съ, сударь, вы не станете, конечно, отрицать! У васъ „это“ есть!.. Вамъ дѣло ясно!.. Все выплываетъ наружу!..

Я болѣе уже не считалъ свое положеніе смѣшнымъ. Дѣло принимало совершенно неожиданный для меня оборотъ. Ходъ обыска меня такъ изумилъ, что я рѣшительно не способенъ былъ сообразить, чего хотѣтъ они отъ меня. Я опустилъ свои руки, ноги, голову, чтобы убедиться, что я уже не сплю, что это не сонъ, а сама дѣйствительность. Я былъ такъ ошеломленъ всѣмъ происходящимъ, передъ моими глазами, что не могъ даже протестовать.

А дерберъ между тѣмъ монотонно продолжалъ:

— „Жизнь Иисуса Христа“ Эрнста Ренапа!

— „Жизнь Иисуса... Забрать!.. Забрать!.. Эрнстъ Ренапъ гнусный анархистъ!.. Онъ жедъ и клеветникъ! И все это здѣсь есть!.. Да, хорошенкая библиотекъ!.. Забрать!.. Забрать!..

— Основанія политической экономіи.

— Забрать!.. Забрать всѣ политическія книги!.. Эти мерзавцы отъ нечего дѣлать занимаютъ политикой!.. Они хотѣтъ!..

— Введеніе въ социологію!

— Что? Соціол... Ал.. Вотъ, вотъ, гдѣ корень зла!.. Николенъ то мы добрылись до очага революціи! Соціал... О!.. О!.. Забрать!.. немедленно забрать!..

И, подумавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Вотъ что! Такъ дѣло у насъ саншкомъ затянется... Чтобы упростить и облегчить... заберите всѣ, безъ исключенія всѣ книги, гдѣ вы найдете: политикъ, политическій, государство, социальная, социологія, социальны, свобода, равенство, братство, философія, психологія, эволюція, революціи, анархизмъ, демократія... Все это—гнусная злодѣйскія слова!.. Забрать все, чтобы ни одного слова здѣсь не осталось!.. О, эти слова!.. Ихъ пишу на зло почти во всѣхъ книгахъ!.. А въ этихъ... здѣсь вѣрно нѣтъ ни одной безвѣщны!.. Забрать ихъ!.. Всѣ, всѣ!.. До одной!..

Сержантъ между тѣмъ продолжалъ:

— Основанія биологіи“!

— Биологія!..—гремѣлъ въ изстуденіи начальникомъ,—минералогія!.. тетраголія... антропология... геологія... физиологія... патологія... зоологія!.. Вы оглохли, чортъ васъ возьми!.. Я кажется приказалъ вамъ все забрать!.. Всѣ книги безъ всякаго исключенія!.. Всѣ!.. Всѣ!..

Дѣло продолжалось такъ долго, что я успѣлъ наконецъ прийти въ себя. И болѣе моего меня поразило то обстоятельство, что это варварское опустошеніе моей библиотекы меня совершенно не возмутило. Я забралъ про все—мнѣ хотѣлось только смѣяться надъ этимъ безумнымъ равенствомъ закона. Въѣето того, чтобы разсвѣржить и наброситься на злое обманчиваго нещакъ, я деликатнымъ тономъ обратился къ нему:

— Не угодно ли вамъ, господинъ комиссаръ, получить отъ меня указаніе мѣста, гдѣ въ подобныя книги найдете въ огромномъ количествѣ?

— Гдѣ это?—ухватился онъ за мое предложеніе.

— Въ Парижской національной библиотекѣ и въ нашей городской...

— Въ библиотекѣхъ?.. Такая дрянь въ Национальной!.. О, я немедленно отправлюсь туда!.. И въ Национальную и въ городскую!.. Во всѣхъ!.. Сейчас же пойду и заберу всю эту мерзость!.. Тамъ, вѣрно, сидятъ и эти несчастные писателишкі!.. О, эти проклятые писателишкі!.. Эти государственные враги... подрыватели основаній!.. На шафоты!.. Всѣхъ!..

Онъ все болѣе и болѣе воодушевлялся. Онъ дошелъ до экстаза, во время котораго слезъ убиваетъ отца и дочь—мать. Онъ разсвѣржилъ, какъ звѣрь, захваченный въ неволю. Страшно было смѣряться, какъ онъ, дико сверкая глазами, метался взадъ и впередъ по комнатѣ и грозно потрясалъ въ воздухѣ тѣ кулаками, то своей дубиной.

Но вдругъ онъ, какъ испуганный, остановился передъ гнессымъ бюстомъ, стоявшимъ въ углу.

— Вотъ!..—кричалъ онъ,—это—что, позвольте спросить?..

— Это бюстъ!.. Это Викторъ Гого.

— Mr.. Висторь Гюго!.. Измѣниши и предатели республиканцы... Онъ пусть истребитъ!

— Да, конечно, пусть!

— Онъ пусть.. забрать этотъ дурацкій пустой бочокъ! Онъ пусть, чтобы прятать туда бомбы и динамиты!.. Забрать все пустые бочокъ!.. Не только бомбы, но и все пустые внутри вещи!.. Чтобы не было пустых вещей!.. Чтобы не было, куда прятать бомбы и динамиты!.. Онъ съ минуту подумалъ, на загвѣсъ, стукнувъ изо всѣхъ силъ ногою по подставкѣ, на которой стоялъ бочокъ, въ безудельной ярости продолжалъ:

— Все пустая вещь!.. Все!.. Все!.. Не только пустая, но и лютая и мстительная!.. Онъ всюду спрячетъ!.. забрать!.. Въ такомъ духѣ обрѣкъ длился два часа. Когда полицейскіе уѣхали, мнѣ осталось только съ душевной болью констатировать, что моя комната совершенно не пуста.. Онъ былъ такъ разгромленъ, какъ будто по ней прошли среднѣбювые гунны!.. Я принужденъ былъ перебраться въ гостиницу.

А вечеромъ того же дня я имѣлъ удовольствие прочесть въ вечернихъ изданіяхъ нашихъ почтенныхъ газетъ слѣдующую записку:

„Сегодня угрозы городской полиціи были произведены домашній обыскъ у Н. извѣстнаго анархиста. Тамъ было найдено, помимо огромнаго количества противоправительственной литературы, двѣнадцать динамитныхъ бомбъ и четыре взрывчатыхъ машины, весьма разрушительнаго дѣйствія. Эти орудія были спрятаны во внутренней части гитисовыхъ бочковъ, но бдительная полиція сумѣла ихъ найти. Кроме того, тамъ арестованы весьма цѣнные документы, изъ которыхъ видно, что Н. является однимъ изъ главныхъ дѣятелей отчаяннаго государственнаго заговора. Преступникъ во время обыска успѣлъ скрыться, но полиція устремилась по горячимъ слѣдамъ за бѣглецомъ и не можетъ быть сомнѣній, что она въ ближайшемъ будущемъ избавитъ общество отъ этого опаснаго злодѣя“.

П. Т.

Второе письмо къ маменькѣ.

Дорогая маменька!

Слѣдуетъ порадовать Васъ приятнымъ известіемъ: у насъ состоялось на-дняхъ засѣданіе союза русскихъ людей. Какъ жаль, что Васъ дорогая маменька, не было въ это время въ Глуховѣ. Ваше патристическое сердце не нарадовалось бы. Но буду раеканывать по порядку.

Какъ только пришло въ Глуховѣ известіе объ открытіи Государственной Думы, мы сіюже минутой устроили экстренное засѣданіе комитета Глуховскаго отдѣленія союза русскихъ людей. Нужнъ сказать, что составъ нашего комитета блестящій въ полномъ смыслѣ слова, въ него входятъ люди очень видные, известные далеко за пределами Глухова. Предсѣдательствую у насъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ; членами—собранный протоіерей о. Рудометовъ, дворяне—Собакевичъ, Маниловъ, дядя Скотининъ, полиціймейстеръ Сквозникъ-Духауновскій, правитель губернской канцеляріи Модзалевскій, отдѣльный цензоръ Хлестаковъ, чиновникъ особыхъ порученій Загорѣвскій, земскій начальникъ Ноздревъ, инспекторъ гимназій Кулагинъ, учитель греческаго языка Бѣликовъ, городской голова купецъ Майкинъ и я.

Рѣшили мы въ комитетѣ—созвать на ближайшее воскресенье общее собраніе союза русскихъ людей, выработать программу собранія и составить проектъ резолюціи.

Наступило воскресенье. Вотъ, маменька, было торжество! Такого торжества никогда еще не видали въ Глуховѣ.

Загъ дворянскаго собранія былъ роскошно декорированъ національными флагами. Всѣ стѣны украшены были громадными портретами выдающихся пат-

риотовъ: Побѣдоносцева, о. Иоанна Кронштадтскаго, генерала Трепова, генерала Богдановича, князя Касаткина-Ростовскаго, графа Дорера, дворянина Павлова, приватъ доцента Никольскаго, профессора Пихно, публицистовъ—Суворова, Грингута, Шаранова, Крушевскаго, доктора Дубровина, доктора Казанова.. На астраля утомали въ зеленѣ шитыя бѣлые боты великихъ покойниковъ—Аракчеева, Магницкаго, Клейнмихала, графа Д. Толстого, Силыгина, фонъ-Шапева, Каткова.

До 12 часовъ дня всѣ входилъ въ Дворянское собраніе были закрыты, причѣмъ у каждой двери стояли городовые съ винтовками.

Ровно въ 12 часовъ прибыла—членъ комитета г. Сквозникъ-Духауновскій и членъ-соревнователь околоточный надзиратель Держморда въѣхалъ съ парадомъ полиціи. Главный входъ былъ открытъ. Въ залу упукались только граждане, лично известные Его Высокоблагородію г. Сквознику-Духауновскому и Его Благородію г. Держмордѣ. Крамольники и бородачи пытались проникнуть на собраніе, но получили „саже“.

Кромѣ наряда полиціи, оркестра военной музыки и архіерейскаго хора, присутствовало около 200 человекъ. Конечно, не очень много, но что за люди тутъ были!

Прежде всего обращали на себя всеобщее вниманіе и возбуждали благоговѣніе почетные члены: отставной генералъ Бетрищевъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія генералъ Скалозубъ; оба въ блестящихъ мундирахъ, все гудѣли въ регалияхъ, тайный советникъ Фамусовъ съ лентой черезъ плечо и въ бѣлыхъ (вазванъ за выраженіемъ) штанахъ; графъ Тугоуховскій, почтенный старецъ, поддерживаемый двумя лакеями. Почетные члены сидѣли, конечно, въ первомъ ряду на креслахъ. Въ слѣдующихъ рядахъ на стульяхъ размѣстились, смотря по чину и рангу, дѣйствительные члены: Глуповское начальство, черное и бѣлое духовенство, благородное дворянство, именитое купечество. Наконецъ, въ заднихъ рядахъ на скамейкахъ сидѣли, а также въ проходахъ стояли члены соревнователи и гости: педагогъ мужской гимназій въ полномъ составѣ, курьеры нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденій и различныхъ званій и состояній простодювыи, известные подъ именемъ „духановыи“ или „черносотенниковъ“.

Собраніе открылось въ 1 часъ дня. Предсѣдательствовалъ почетный членъ гн. Скалозубъ. По знаку Его Превосходительства военный оркестръ трижды исполнилъ народный гимнъ. Каждый разъ, по окончаніи гимна раздавалось громовое „ура“!

— Затѣмъ, вышелъ на астраду Пав. Ивановичъ и произнесъ сильную, глубоко прочувствованную рѣчь объ „основныхъ началахъ нашей симболической“. Не буду передавать содержанія этой замѣчательной рѣчи. Вы знаете, что Павелъ Ивановичъ—человекъ выдающагося ума и поразительныхъ способностей по части ораторскаго искусства. А потому можете себѣ представить, какое высокое наслажденіе доставила собранію его рѣчь на патристическую тему. Слажу одно: Павелъ Ивановичъ подъ орѣхъ раздѣлялъ разныхъ крамольниковъ и бутничковъ: марксистовъ, конституціоналистовъ, социалистовъ, демократовъ, индоловъ, студентовъ и тому подобныхъ ингиантовъ.

Рѣчь Павла Ивановича нѣсколько разъ прерывалась бурными криками одобренія и восторга. Все собраніе, какъ одинъ человекъ, кричало: „ура! смерть жидкамъ! смерть крамольникамъ! востокъ за православную Русь! давай Государственную Думу! ура! ура! ура!“

И всякій разъ, когда проявлялись эти чувства патристическаго восторга, по знаку генерала Скалозуба, оркестръ исполнялъ народный гимнъ, а архіерейскій хоръ „многи лѣта“ и „слава, славы!“.. Послѣ рѣчи Павла Ивановича начался въ высокой степени интереснаго пренія, въ которыхъ приняли участіе

очень многие члены. Съ большимъ жарствомъ говорилъ отецъ протоіерей Рудометовъ, призывавшій сплотиться, объединиться и выступить на борьбу съ нихѣйкой крамолью.

Въ заключеніе комитетомъ предложена была резолюція. Резолюція вѣдала было въ началѣ нѣкоторая пререканія. Комитетъ предложилъ послать резолюцію отъ имени пяти тысячъ „истинно-русскихъ“ людей.

Тутъ дворянинъ Маниловъ замѣтилъ, что въ глуховскомъ отдѣленіи союза русскихъ людей членовъ не больше пятидесяти человекъ, и что въ собраніи, гдѣ присутствуютъ всѣ члены и сочувствующіе союзу гости насчитывается не больше 200 человекъ. По его, Манилова, мнѣнію, неловко составлять резолюцію отъ имени пяти тысячъ. Но тайный советникъ Фамусовъ съ большой силой убѣжденія заявилъ, что дѣйствительно, въ союзѣ русскихъ людей пока еще 5000 итъ, но по расчету его не сего дня—автра должно быть даже больше 5000. Тогда Ноздревъ предложилъ составить резолюцію отъ имени пятидесяти тысячъ, а Загорѣвскій—отъ имени ста тысячъ. Но была одобрена цифра, предложенная комитетомъ, т. е. пять тысячъ. Послѣ этого резолюція принята была единогласно. Постановлено: отнривить ее по телеграфу генералу Трепову для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Сообщу Вамъ, дорогая маменька, нѣкоторые выдающіе пункты резолюціи: Требуемъ, чтобы военное подожженіе введено было во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ на вѣчныя времена.

Требуемъ, чтобы Государственная Дума была немедленно распущена, а всѣ члены, кромѣ гг. Скобелева, Ерогина и ихъ единомышленниковъ, сосланы на Сибирь.

Требуемъ, чтобы всѣ должностныя лица, не состоящія членами союза русскихъ людей, были немедленно устранены отъ должностей.

Требуемъ—не отнимать смертной казни, не давать амнистіи, не давать ни гражданскихъ, ни политическихъ правъ крамольникамъ.

Требуемъ возстановить, предварительную пензу, возстановить крѣпостное право, возстановить пытку и телесныя наказанія.

Требуемъ упразднить земство и адвокатуру, закрыть всѣ высшія и среднія учебныя заведенія, кромѣ папскаго корпуса и училища нравовѣденія.

Вотъ, маменька, какову резолюцію мы постановили. Любите, маменька, вышъ синѣ тоже принимайте участіе въ ея составленіи, какъ секретарь глуховскаго отдѣленія союза русскихъ людей!

А пока, маменька, прочтите. Книжки роднымъ, знакомымъ и всѣмъ „истинно-русскимъ“ людямъ.

Вашъ почтительный сынъ

Митрофанъ Простановъ.

Треповская партія въ цифрахъ.

Извѣстный писатель Рубакинъ помнитъ въ „Народномъ Вѣстникѣ“ весьма интересную статью подъ названіемъ „Треповская партія въ цифрахъ“.

Указывая на то, что въ эту партію вошла почти исключительно чиновная и родовитая знать, авторъ статьи пишетъ:

Въ числѣ 35 человекъ, о которыхъ мы намѣрены говорить, находится три князя, четыре графа, три барона, дальѣ 24 сановника и одинъ митрополитъ,—тотъ самый Антоній, который старался даже самого Христа втиснуть въ рядъ защитниковъ смертной казни. Но и это еще не все. Треповскую партію украшаютъ своими именами одиннадцать дѣйствительныхъ тайныхъ советниковъ, 14 просто тайныхъ, 8 полныхъ генераловъ и одинъ адмиралъ. Среди нихъ, какъ и подобаетъ „истинно-русскимъ людямъ“, 13 имѣтъ [т. е. около 35%] не русскихъ. Семеро изъ нихъ [т. е. 20%] находятся въ придворныхъ чинахъ, 12 человекъ имѣли близкое отношеніе къ поли-

ціи, такъ какъ состояли губернаторами, генералъ-губернаторами, шефами жандармеріи, министрами внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ на одну треть треповская партія [говору только о „назначенныхъ“ чинахъ] составлена изъ полицейскихъ чиновъ, подѣласть своему отцу-командиру и не менѣе его сѣдушаго въ провокакторствѣ и организации погромовъ.

Во сколько-же обходятся всѣ эти господа казны, т. е. народу русскому?—спрашивается г. Рубакинъ и отвѣчаетъ, на основаніи официальныхъ данныхъ „списковъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ“.

—Каждый изъ нихъ стоитъ отъ 7 до 23 тысячъ руб.,—и это не считая тѣхъ кругленькихъ суммъ, которыя получаютъ эти господа подъ названіемъ командировочныхъ, прогонныхъ, «за засѣданія» въ разныхъ комиссіяхъ, а также наградныхъ. Врядъ-ли можно ошибиться; дѣлая выводъ, что круглымъ счетомъ доходы гг. сановниковъ въ два или три раза превышаютъ ихъ содержание. О размѣрахъ этихъ получекъ можно судить, напримеръ, по тому, что нѣкоторые изъ сановниковъ получаютъ, кромѣ жалованья, такъ называемыя аренды, загвѣтъ столовыхъ, квартирныя, добавочныя пенсы и т. д. Изъ 35 человекъ 23 получаютъ «аренды» [отъ 2.000 до 4.000 руб.]. Нѣкоторые господа, напримеръ, графъ Толъ, не довольствуясь пятисотымъ жалованьемъ и двухтысячъ арендой, получаютъ въ 1903 году къ нимъ въ прибавку 5.000 р. столовыхъ.

Небезинтересно, что всѣмъ извѣстнымъ бѣднякъ Половцевъ, имѣющій, какъ это видно даже по официальному списку, только 7 тысячъ десят. земли, ничтоже сумняшея, все-же беретъ изъ казны ежегодно 10 т. р. содержания. Графъ Игнатьевъ, продавшій, какъ это видно изъ отвѣта г. Стрешинскаго члену Государственной Думы, 128 тысячъ десятинъ за 4 мил. руб. при помощи крестьянскаго банка, получаетъ, кромѣ того, содержанія 18 тис. р. Графъ Палей получаетъ 12 т. р. жалованья, 4 т. аренды, 5.000 добавочныхъ, 600 р. пенсы. Мансуровъ, получающій 15.000 р. жалованья и 3.000 аренды, беретъ, кромѣ того, 500 р. пенсы. Дмитривъ, къ 10.000 р. жалованья и 2.500 аренды, беретъ еще 3.000 квартирныхъ.

Въ общей сложности, всѣ эти сановники числомъ 28, по самому скромному подсчету, обходятся казны въ 381.600 р., а если прибавить къ этому награды, командировочныя и т. п. суммы, то содержаніе ихъ достигнетъ до одного милліона рублей.

Это на 28 человекъ. Если принять въ расчетъ, что для спасенія голодающаго крестьянства отъ голодной тифа необходимо всего лишь 1 р. 40 к.—1 р. 60 к. въ мѣсяцъ, то на эту сумму можно было-бы прокормить и спасти отъ голодной смерти не меньше 625.000 человекъ. Считаю десятину круглымъ счетомъ сто рублей, на ту же сумму можно было-бы приобрести и прирѣзать крестьянамъ не меньше 10.000 десятинъ въ теченіе года.

И это не смотря на то, что большинство изъ этихъ «звѣздочесцевъ» имѣютъ огромныя имѣнія.

Среди нихъ есть такіе, какъ, напримеръ, Балашовъ, у котораго находится во владѣніи 387.179 десятинъ. У А. С. Долгорукова насчитывается по меньшей мѣрѣ 8.800 десятинъ, у Гончарова—9.600 десятинъ, у Мансурова—2.500 десятинъ, у А. Д. Оболенскаго—23.000, у Половцева—гораздо болѣе, чѣмъ тѣ 7.000 десятинъ, которыя показаны, у Шенкина—38.000 десятинъ, у Саблера—2.740, у Тернера—1.600 десятинъ и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что у нѣкоторыхъ треповцевъ находится во владѣніи не только крупныя помѣстья, но и заводы, желѣзные, механическіе, сахарные, а также дома. Такимъ образомъ, треповскія клка сложена не только изъ крупныхъ, чиновниковъ и помѣщиковъ, но и крупныхъ, заводчиковъ и домовладѣльцевъ,—обстоятельство, заранѣе въ значительной степени преріуживающее ихъ рыаное и даже неистовое отношеніе къ аграрнымъ, рабочимъ и другимъ проектамъ не только трудовой группы, но и партіи народной свободы.

А. г. Гурко увѣритъ, что «они» хотятъ крестьянамъ только добра!